

В.В. Шимов

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Общерусская идея против белорусского национализма: варианты национального самоопределения белорусов¹

Аннотация. Рассматривается конкуренция альтернативных проектов национального самоопределения белорусов: общерусская идея и белорусский этнический национализм. Ситуация в отношениях между Белоруссией, Украиной и Россией является примером борьбы интеграционных и сепаратистских тенденций. Интеграционная тенденция олицетворяется идеей большой русской нации, включающей все этнические группы восточных славян, и «большого» русского языка как совокупности всех восточнославянских наречий, объединённых общей литературной формой. Сепаратистское начало олицетворяют белорусский и украинский национальные проекты, выступающие за формирование

¹ В статье с согласия редакции использованы следующие тексты работ автора: Шимов В.В. Белорусская идентичность и общерусская идея. *Белорусская идея: история и реальность. Национально-государственная идентичность и общественные настроения в странах Евразийского экономического союза: Сборник статей.* Сост. П.В. Святенков. М.: АНО «Аналитический центр инновационных проектов и технологий»; 2016: 163–87; Шимов В.В. Белорусы и проблемы «родного языка». *Современная Европа.* 2012; (1): 97–108; Шимов В.В. Истоки билингвизма в Беларуси и Украине. *Беларуская думка.* 2013; (6): 46–52; Шимов В.В. Мировоззренческие истоки национальной политики большевиков. *Социология. Журнал Белорусского государственного университета.* 2019; (2): 93–8; Шимов В.В. Языковой вопрос как фактор потенциальной политической нестабильности в Беларуси. *Социология. Журнал Белорусского государственного университета.* 2020; (1): 67–70.

белорусской и украинской наций с отдельными литературными языками. Отмечается, что дезинтеграционные тенденции были, прежде всего, связаны с попаданием Западной Руси в зону польско-католического геополитического и культурного влияния.

Революционные потрясения непосредственно отразились и на решении национального вопроса на землях исторической Западной Руси. В первое время большевиками поощряется белорусское и украинское национальные движения, а также борьба с общерусской концепцией как проявлением российского «великодержавного шовинизма». Разворачивается политика «коренизации», а несогласные с ней шельмуются как «великодержавные шовинисты».

Однако позже происходит переход от доктрины «экспорта революции» к доктрине «построения социализма в одной стране». Потребовалась выработка советского патриотизма, превалирующего над национальными и региональными идентичностями. Советское руководство обратилось к смыслам и символам Российской империи (адаптируя их под коммунистическую идеологию), на геополитической базе которой и возник СССР.

После войны в СССР происходила фактическая национальная интеграция восточных славян по общерусской модели. Однако процесс этот шёл во многом спонтанно, не будучи концептуально осмысленным и признанным. Несмотря на отказ от «коренизации» в её радикальных формах, советская власть так окончательно и не отошла от «ленинской национальной политики». Возник разрыв между объективно протекавшей интеграцией восточных славян на общерусской основе и декларируемой государством национальной обособленностью, пусть и «братских», народов. В результате происходила геттоизация националистической гуманитарной интеллигенции, которая оккупировала культурно-просветительскую инфраструктуру Белоруссии и Украины, но, однако, не была востребована основной массой населения, ориентированной на пространство русскоязычной культуры.

В постсоветское время украинский и белорусский национальные проекты получают второй шанс. Проводятся параллели с ситуацией на Украине. Отмечается противоречивость и незавершённость процессов национального самоопределения белорусского общества, чреватая конфликтами в дальнейшем.

Ключевые слова: нация, национализм, воображаемые сообщества, язык, идентичность, Белоруссия, общерусская идея

Для цитирования: Шимов В.В. Общерусская идея против белорусского национализма: варианты национального самоопределения белорусов. *Ортодоксия*. 2021; №2. С. 179–204. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-179-204

Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое сообщество», существующее как продукт коллективного «воображения» своих членов. Любая нация, даже численно относительно небольшая, является неконтактной социальной группой, большинство участников которой лично не знают и никогда не узнают друг друга. Поэтому такое сообщество может существовать только как воображаемое, т. е. посредством воспроизводства образов, представляющих данное сообщество как внутренне интегрированную целостность — нацию. Эти образы могут быть самые разнообразные — представления об общности происхождения и истории, государственная символика, географические карты, обозначающие национальную территорию, некие неформальные символы (например, неформальные символы Белоруссии — аист или зубр) и т. п. Важным элементом этого образного ряда является национальный язык. Следует отметить, что большинство национальных движений Европы носили именно языковой характер. Этим Европа отличается, например, от Америки (как Северной, так и Южной), где формирование наций происходило на основе гражданского противостояния колоний и метрополий, говоривших на одном языке (английском, французском, испанском или португальском). В Европе, где на малом пространстве сконцентрировано большое разнообразие этнических групп, язык закономерно становился символом национальной особенности.

Говоря о нации как о продукте «воображения», то же самое можно утверждать и в отношении национального языка. Очевидно, следует различать язык как живую речь, средство непосредственной коммуникации между конкретными людьми, и образ языка как атрибут того или иного национального сообщества. Национальный язык не является некой объективной реальностью — он является продуктом *концептуальной обработки* этой реальности. Действительно, в ряде случаев оказывается достаточно сложным провести границы между близкородственными наречиями и диалектами, а также обосновать либо принадлежность тех или иных наречий к одному языку, либо их лингвистическую обособленность. Кроме того, нередко национальным активистам приходится противостоять тенденциям языковой ассимиляции, когда население, язык которого по тем или иным причинам оказался социально непрестижным, постепенно переходит на более «престижный» язык. Во всех этих случаях речь идёт о создании образа языка, который служит для национальной консолидации и мобилизации, а также

для обособления от соседних, зачастую близкородственных, этнических групп.

В европейской истории были нередки случаи, когда определить границы «воображаемых» и соответствующих им языковых сообществ оказывалось достаточно непросто. В таких ситуациях речь обычно шла об этнически и лингвистически близкородственных группах, тесно связанных друг с другом исторически. Как следствие, определить статус таких групп оказывается зачастую затруднительным. В результате возникают конкурирующие национальные проекты, включающие одни и те же территории и население в состав разных «воображаемых сообществ». В предельно общем виде эти проекты можно разделить на два типа: интеграционные и сепаратистские.

Интеграционные проекты предполагают включение в состав единого «воображаемого сообщества» нескольких близкородственных этноязыковых групп. При этом этноязыковые различия между ними рассматриваются как местное историко-культурное, этнографическое и диалектное своеобразие. Подобная модель предполагает формирование единого литературного языка, который представляет собой либо «искусственное» наддиалектное койне, либо литературно обработанную форму диалекта этнической группы, «доминантной» в данном национальном сообществе. Существование прочих диалектов и наречий также допускается (причём они также могут получить определённую степень литературной обработки и найти применение в публичной сфере), но они занимают подчинённое положение по отношению к «общенациональному» языковому стандарту.

Сепаратистские проекты, напротив, стремятся к национальному обособлению подобных этноязыковых групп. В таком случае все этнографические, лингвистические и историко-культурные особенности рассматриваются как признаки национального отличия, а на основе местных наречий и диалектов формируются отдельные национальные языки, причём формирование этих языков идёт таким путём, чтобы максимально отдалить их от близкородственных языков соседей.

Нацию принято рассматривать как феномен Нового времени, возникающий не раньше XVII–XVIII веков (Западная Европа) и XIX–XX веков (Центральная и Восточная Европа). Вместе с тем, очевидно, что в Новое время нации возникают не на «пустом месте» — их возникновение во многом подготавливалось предшествующим

историческим развитием той или иной территории. Историческая и культурная связность тех или иных территорий формируется задолго до появления самой «национальной идеи» и является обязательным условием возникновения последней. Так, возникновение единой немецкой нации было бы невозможным без тесной историко-культурной связности немецких земель, сложившейся в предшествующие исторические периоды. Такая связность далеко не всегда предполагает политическое единство — немецкие земли (как и итальянские) вплоть до середины XIX века существовали в форме обособленных образований, что, однако, не отменяло интеграционных тенденций, приведших к возникновению идеи единых германской и итальянской наций. Франция, напротив, уже в донациональный период была объединена в единое государство в форме абсолютной монархии, что значительно облегчило и ускорило национальную интеграцию этнически очень разнородных территорий. В любом случае, историко-культурная связность, в той или иной форме возникшая в донациональный период, является необходимой предпосылкой возникновения национальной идеи в Новое время.

Нередки ситуации, когда грань между двумя вышеописанными ситуациями провести оказывается достаточно сложно, т. е. определённая историко-культурная связность сопровождается наличием региональных «сепаратистских» проектов, и победа интеграционных или дезинтеграционных тенденций зависит от конкретного стечения исторических обстоятельств, вмешательства внешних заинтересованных сил и т. п.

Восточные славяне или русские?

Ситуация в отношениях между Белоруссией, Украиной и Россией также является примером борьбы интеграционных и дезинтеграционных, или сепаратистских, тенденций. Интеграционная тенденция здесь олицетворяется идеей большой русской нации, включающей в себя все этнические группы восточных славян, и «большого» русского языка как совокупности всех восточнославянских наречий, объединённых общей литературной формой. При этом определение «русский» выступает как совокупное, собирательное обозначение восточных славян (собственно, понятие «восточные славяне» и было введено в оборот для вытеснения этого собирательного значения слова «русские»). Соответственно, сепаратистское начало олицетворяют белорусский и украинский национальные проекты, выступающие за формирование белорусской

и украинской наций с отдельными литературными языками и противостоящие общерусской идее. Понятие «русский» в этой парадигме сужается до обозначения одной из (хотя и крупнейшей) этнических групп восточных славян, в дореволюционной традиции определявшихся как «великороссы».

Идеи национального единства большого русского народа, включающего в себя всех восточных славян, восходят к представлениям о древнерусском государстве — Киевской Руси, — положившем начало той историко-культурной связности, которая привела к консолидации близкородственных славянских этнических групп в единый русский народ. Соответственно, основной задачей сепаратистских проектов является попытка оспорить эту историко-культурную связность. Радикальные белорусские и украинские националисты в своём стремлении к этому нередко доходят до полного отрицания какого-либо родства между восточнославянскими народами. Так, в украинском национализме популярна «теория», в соответствии с которой «истинной Русью» является только Украина, в то время как русские-великороссы являются инородцами, «похитившими» у настоящих русских — украинцев — их имя. В Белоруссии, напротив, местными националистами нередко отрицается не только русская, но и славянская этничность белорусов (белорусы как славянизированные балты). Помимо данных, весьма экстравагантных, концепций, на бытовом уровне и в научном сообществе сохраняет популярность советская концепция этнического генезиса восточных славян, в соответствии с которой существовавшая в киевский период древнерусская общность впоследствии распалась на три народности — (велико)русскую, украинскую и белорусскую, — давших впоследствии начало трём соответствующим нациям.

Таким образом, «национальные» концепции истории либо полностью отрицают существование историко-культурной и даже этнической связности между Белоруссией, Украиной и Россией, либо признают такую связность в далёком прошлом, постулируя её полный распад к Новому времени.

Природа белорусско-украинского сепаратизма

Говоря о дезинтеграционных тенденциях, не следует забывать, что эти тенденции были, прежде всего, связаны не с неким «особым путём», отличным от России, выбранным Белоруссией и Украиной,

а с попаданием Западной Руси в зону польско-католического геополитического и культурного влияния. Именно это влияние и было основным фактором, оказывавшим «возмущающее» воздействие на самосознание предков белорусов и украинцев. Причём это воздействие было двояким.

С одной стороны, польско-католический экспансионизм порождал сопротивление западнорусского православного населения и побуждал его искать помощи и поддержки у набиравшего силы Московского государства. Таким образом, польская экспансия парадоксальным образом стимулировала контакты между Западной и Восточной (Московской) Русью и не давала «угаснуть» идее общерусского единства. Более того, нарастающее давление со стороны католиков способствовало росту престижа и авторитета Московского государства — защитника православных — в глазах жителей Западной Руси. Благодаря этому общерусская идентичность из «киевоцентричной» постепенно становится «москвоцентричной».

Итогом этих тенденций и стала общерусская национальная идея, причём своё развитие она получила не только на западнорусских землях в составе Российской империи, но и в Галиции и Карпатской Руси, подконтрольных Австро-Венгрии. К этому времени окончательно оформляется «москвоцентричный» характер русской идентичности (неслучайно именно в XIX веке А.С. Пушкин произнесёт сакраментальную поэтическую фразу «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось»). Великороссия становится геополитическим и культурным лидером русского мира. Созданные здесь культурно-языковые стандарты начинают восприниматься людьми как образцы русской ориентации в Западной Руси. Белорусский и украинский (малорусский) языки воспринимаются как провинциальные региональные варианты общерусского языка, литературным стандартом которого становится созданный на преимущественно великорусской основе язык «московско-петербургского» периода. Подобное восприятие не несло в себе ничего обидного и унижительного для белорусов и украинцев/малорусов, отражая объективное для того времени соотношение культурных потенциалов трёх частей исторической Руси.

Особо следует подчеркнуть, что общерусская идея вовсе не отказывала белорусскому и малорусскому/украинскому языку в праве на существование и развитие и вполне лояльно относилась к существованию региональных литературных норм. Однако, в отличие

от белорусского и украинского национализма, видевших в распространении русского литературного в Белоруссии и Украине угрозу местным языкам, общерусская идея рассматривала сосуществование общерусской литературной нормы наравне с местными наречиями как органичное и взаимодополняющее. Вот как, в частности, формулировал свой взгляд на соотношение белорусского и русского литературного языков западнорусский лингвист и этнограф Е.Ф. Карский: «Литература белорусская, отличающаяся жизненностью, как провинциальная, будет существовать и развиваться. Что же касается белорусского языка, которым говорит простой народ, то, желая ему всякого процветания в будущем даже до мирового значения, я по вопросу о введении его сейчас в науку как языка высшего и даже среднего преподавания держусь приблизительно такого же взгляда, какой был высказан в последнее время и одним беспристрастным поляком (проф. И.А. Бодуэном-де-Куртенэ), именно, «что белорусский язык столь близок к языку великорусскому, что ему вряд ли удастся удержаться рядом с этим последним. Для нужд изящной литературы и для нужд науки, белорусы будут, вероятно, пользоваться и впредь языком, выросшим на великорусской почве» — прибавим от себя — не без участия других русских наречий, в том числе и белорусского» (Карский 2007: 648).

Таким образом, общерусская национальная идея была объективным следствием этнополитических процессов на пространстве исторической Руси, свидетельствующим, что культурная связность этого пространства никогда не прерывалась.

С другой стороны, длительное господство Польши в Западной Руси способствовало упадку и ослаблению западнорусской культуры, вытеснению людей русской ориентации из политической и культурной жизни государства, стимулировало польскую ассимиляцию местного населения, прежде всего, аристократии. Рост католического экспансионизма способствовал оттоку значительной части русских православных элит в Московское государство: так, после Кревской и Городельской уний, зафиксировавших привилегированное положение католиков, произошёл массовый исход русских князей, включая обрусевших Гедиминовичей, в Москву. Впоследствии многие видные западнорусские православные деятели, такие, как Симеон Полоцкий, также предпочитали эмиграцию в Москву политической борьбе с польско-католическим экспансионизмом у себя на родине. Всё это снижало «иммунитет» западнорусского общества,

подрывало его способность к сопротивлению культурной и политической экспансии с Запада. С другой стороны, ситуация в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) и Речи Посполитой способствовала выдвиганию на первые позиции в западнорусском обществе конформных элементов, готовых пожертвовать ради политического благополучия традиционной религиозной и культурно-языковой идентичностью.

Всё это способствовало глубокому упадку западнорусской культуры в XVII–XVIII веках. Она низводится на уровень «попа и холопа», облик же «высокой» культуры определяет полонизированная аристократия и мелкая шляхта. Имена многих видных деятелей польской культуры и истории этого периода связаны с территорией нынешних Белоруссии и Западной Украины, что порождает в польском сознании восприятие этих земель как «своих». Кардинально преобразуется культурный ландшафт — в этот период архитектурный облик Западной Руси в значительной степени определяется католическими костёлами и монастырями, помпезными зданиями иезуитских коллегиумов, усадьбами польских помещиков и т. п. Большинство архитектурных памятников, сохранившихся на территории Белоруссии, относятся именно к «польскому» периоду, что нередко создаёт искажённое представление об истории и культуре страны.

Мощное польское присутствие существенно осложняло и тормозило интеграцию Западной и Восточной Руси в рамках Российской империи: поляки грезил о возрождении Речи Посполитой в её «исконных» границах и стремились заручиться поддержкой среди западнорусского населения, агитируя его в пропольском и антироссийском духе. Несмотря на то, что в XIX веке Западная Русь уже входит в состав России, здесь по-прежнему идёт ожесточённая борьба за умы и сердца местного населения. Помимо собственно поляков и ополяченных, в Западной Руси сложились группы с деформированной «переходной» идентичностью, явившиеся продуктом неполной, незавершённой полонизации. Они во многом утратили связь с русской традицией, но в то же время всё ещё сохраняли особую «местную» идентичность, отличную от общепольской.

Формированию подобной «переходной» идентичности, в частности, поспособствовало униатство. Уния в своё время была попыткой компромисса определённых западнорусских кругов между лояльностью польско-литовскому государству и сохранением русской идентичности. В конечном счёте уния превратилась в очередной инструмент полонизации, в то же время сохраняя многие элементы православной обрядовости

и старой русской идентичности и не давая униатам окончательно слиться с поляками. Это в свою очередь способствовало по мере ослабления Польши возникновению в униатской среде русофильского течения, лидеры которого во главе с И. Семашко осуществили в 1839 году воссоединение унии с Православием. В то же время, очевидно, что последствия унии сказывались ещё долго после её формальной ликвидации, сохранялась определённая отчуждённость и напряжённость между «древлеправославным» и бывшим униатским населением. Поэтому неудивительно, что бывшая униатская среда становится весьма благодатной для сепаратистских белорусского и украинского проектов, направленных против как русского, так и польского присутствия.

Помимо бывших униатов, к этой группе следует отнести и определённую часть мелкопоместной шляхты, сильно полонизированной, но сохранившей связь с местной «почвой». Эта группа впитала в себя все предубеждения польской культуры против России; в то же время, увлёвшись местным этнографическим и фольклорным своеобразием, многие её представители начали противопоставлять себя и полякам. Именно из этой социальной категории вышли многие отцы-основатели белорусской литературы — В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич, Я. Купала и пр.

Помимо вышеобозначенных причин, появлению белорусского и украинского сепаратизма способствовала и социально-политическая обстановка в Российской империи, связанная со сложностью и запутанностью так называемого крестьянского вопроса. Разрешение антагонизма между малочисленным, однако наиболее влиятельным дворянским сословием, составлявшем опору самодержавия, и бесправным положением крестьянского сословия, к которому принадлежала основная масса населения империи, было основной болевой точкой российской общественно-политической жизни XIX — начала XX веков. Реформа 1861 года несколько сняла напряжение, но так и не смогла снять сам «вопрос» с повестки дня. Как следствие, в среде интеллигенции начинают развиваться всевозможные радикальные течения народнического и социалистического толка, направленные на «освобождение» крестьян от имперского самодержавного «гнёта».

Белорусско-украинский сепаратизм стал во многом одним из проявлений этого протестного народнически-социалистического движения. Характеризуя механизмы зарождения украинского национализма, О. Неменский отмечает, что «именно на идее «хождения в народ»

и вырос в Малороссии свой сельский национализм. Этому способствовало и то, что оторванная от городской среды старая сельская культура сохраняла заметное своеобразие различных исторических регионов, в культуре верхов почти не выраженное. А в условиях продолжительного господства крепостнических отношений село было более архаичным, чем где-либо в Западной Европе. Именно ситуация сильнейшего отрыва городской культуры от деревенской, общего признания необходимости «идти в село — искать корни нашей культуры» позволила увидеть в региональном сельском диалекте нечто «исконное» и требующее возрождения, а к городской культуре отнестись как к чему-то искусственному и наносному. Само слово «народ» в русском языке обрело значение «сельского люда», что разительно отличает русскую культуру от, например, польской, в которой слово «*naród*» закрепилось за шляхтой. И если русское общество было озабочено вопросом, как вернуть в «народ» культурные верхи общества, то польская мысль одновременно с этим трудилась над вопросом, как включить в «*naród*» большие сельские массы, проявившие свою пассивность и безразличие к национальным задачам во время польских восстаний» (Неменский 2010: 56). Сказанное в полной мере может быть отнесено и к Белоруссии. Таким образом, идея «освобождения» крестьянства, увлечение региональным сельским этнографическим колоритом, общий протестный и негативистский настрой в отношении империи определённых слоёв интеллигенции породили в Белоруссии и на Украине сепаратистские движения.

Эти движения, вслед за О. Неменским, правомерно охарактеризовать как «сельский национализм», основанный на поэтизации местного сельского фольклорно-этнографического своеобразия и противопоставлении этого своеобразия общерусской городской культуре. На первых порах оба национальных движения, «левые», «социалистические» по своей сути, концентрировались преимущественно на текущей социальной проблематике, будучи мало озабоченными конструированием национально-исторических мифов. В фокусе как белорусской, так и украинской литературы, возникших в этот период, был простой крестьянин, «мужик», и его бытовые трудности, порождённые несправедливым социальным порядком империи. Эта особенность — концентрация на «тяжкой доле мужика» — позволила охарактеризовать западнорусскому лингвисту и этнографу Е. Карскому современную ему белорусскую литературу как «ноющую».

Впоследствии, осознав необходимость создания собственного исторического мифа, белорусское и украинское движение столкнулись с серьёзными проблемами. В отличие от общерусского национально-го мифа, опиравшегося на солидную научную и доказательную базу, обосновать многовековое бытие самостоятельных белорусского и украинского народов, и уж тем более их стремление к государственному суверенитету, было практически невозможно.

Украинское движение имело определённую историческую мифологию, связанную с казачьим движением XVI–XVII веков, однако закономерно буксовало, пытаясь продлить «украинскую» историю ещё дальше в прошлое, где «Украина» неизбежно «растворялась» в Руси. Это привело к неуклюжим попыткам объявить древнерусское прошлое исключительным достоянием Украины, предпринятым исторической школой М. Грушевского и «творчески» развиваемым в современной Украине. В советское время эту проблему попытались решить посредством концепции распада древнерусской народности на три самостоятельных восточнославянских этноса, примерной датой распада был объявлен XIV век.

В белорусском национальном движении дела с исторической мифологией обстояли ещё хуже. Собственно, об этом свидетельствует вся ранняя белорусская литература, бывшая абсолютно неисторичной и сконцентрированной исключительно на сельском микрокосме «мужика». Собственно, само использование этнонима «белорусы», заимствуемого из общерусской триады великорусы-малорусы-белорусы, говорит об «исторической нищете» белорусского национализма. Одной из первых ярких попыток создания белорусского исторического мифа можно считать известное стихотворение Максима Богдановича о «литовской Погоне»², в котором обосновывается преемственность Белоруссии по отношению к Великому княжеству Литовскому. Однако проблема литвинского мифа заключалась в том, что в тот период он являлся «панской» идеологией, т. е. региональной идеологией местных польских помещиков, чья идентичность выражалась по формуле «роду литовского, нации польской». Учитывая, что в образе «польского пана» воплощалось чуждое для белорусского «мужика» угнетающее социальное начало, перспективы усвоения белорусским крестьянством «литвинской» мифологии были, по меньшей мере, сомнительными. Кроме того, «литвинскую»

² Богданович М. *Погоня*. — URL: <https://www.chitalnya.ru/work/858150/> (дата обращения: 21.09.2021).

мифологию активно использовал и адаптировал к своим нуждам литовский этнический национализм. «Литвинский» миф, неразрывно связанный с местной традицией католицизма, был вполне органичен как для поляков, так и для литовцев; для белорусов, несмотря на многовековое пребывание в составе Великого княжества Литовского, «литвинская» идея так и осталась чуждой. Тем не менее, поскольку помимо ВКЛ русской идее в Белоруссии ничего больше противопоставить нельзя, на протяжении XX века «литвинская» мифология постепенно укореняется в качестве мейнстрима белорусского национализма.

Наконец, ещё одним фактором, подпитывавшим как белорусское, так и украинское движение, была своеобразная психологическая мотивация. Белорусское и украинское движения наибольшую активность проявили в литературно-художественной сфере. Однако их критики из общерусского лагеря всегда отмечали достаточно низкое качество литературных произведений на белорусском и украинском языке. Они объясняли это тем, что побудительным мотивом к созданию белорусской и украинской литературы явилась именно посредственность литераторов, не выдерживающих конкуренцию в общерусском культурном пространстве. Вот как это сформулировал российский общественно-политический деятель, белорус по происхождению Иван Солоневич: «Я — стопроцентный белорус. Так сказать, “изменник родине” по самостийному определению. наших собственных белорусских самостийников я знаю как облупленных. Вся эта самостийность не есть ни убеждение, ни любовь к родному краю — это есть несколько особый комплекс неполноценности: довольно большие вождения и весьма малая потенция — на рубль амбиции и на грош амуниции. Какой-нибудь Янко Купала, так сказать белорусский Пушкин, в масштабах большой культуры не был бы известен вовсе никому. Тарас Шевченко — калибром чуть-чуть побольше Янки Купалы, понимал, вероятно, и сам, что до Гоголя ему никак не дорасти. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Или — третьим в деревне, чем десятым в Риме.

Первая решающая черта всякой самостийности есть её вопиющая бездарность. Если бы Гоголь писал по-украински, он так и не поднялся бы выше уровня какого-нибудь Винниченки. Если бы Бернард Шоу писал бы на своём ирландском диалекте — его бы никто в мире не знал. Если бы Ллойд Джордж говорил только на своём кельтском наречии — он остался бы, вероятно, чем-то вроде волостного писаря.

Большому кораблю нужно большое плавание, а для большого плавания нужен соответствующий простор. Всякий талант будет рваться к простору, а не к тесноте. Всякая бездарность будет стремиться отгородить свою щель. И с ненавистью смотреть на всякий простор»³. Возможно, И. Солоневич излишне резко оценил литературные дарования Я. Купалы и его соратников, однако то, что мотив «лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме» был весьма привлекателен для многих литераторов средней руки, представляется вполне правдоподобным.

Таким образом, возникновение белорусского и украинского движений в Новое время было обусловлено целым комплексом причин. Это и «возмущающее» воздействие со стороны Польши, стремившейся сохранить Западную Русь в зоне своего геополитического влияния, и неразрешённость «крестьянского вопроса», региональным проявлением которого был в том числе белорусско-украинский сепаратизм, и, наконец, субъективные причины психологического свойства, побуждавшие отдельных региональных деятелей (прежде всего, литераторов средней руки) противопоставлять себя как империи, так и большой русской культуре в целом.

Следует отметить, что само по себе наличие автономистских и сепаратистских тенденций, а также напряжённость в отношениях между центром и регионами — явления вполне нормальные и закономерные для такого крупного и внутренне разнообразного государства, как Россия. Белорусский и украинский сепаратизмы в этом отношении не были уникальны и стояли в одном ряду с другими русскими региональными сепаратизмами, заявившими о себе к началу XX века — сибирским областничеством и сепаратизмом донского казачества («донской» сепаратизм убедительно описал в своём выдающемся романе «Тихий Дон» М. Шолохов).

Украинский и белорусский сепаратизмы отличались от двух последних лишь тем, что заявили о себе гораздо громче, что было связано со специфическим положением Западной Руси на геополитическом и цивилизационном пограничье. «Возмущающее» воздействие со стороны внешних сил — не только Польши, но также Австрии и Германии — оспаривавших геополитическое лидерство России на этой территории, было

³ Солоневич В. Наша страна. О сепаратных виселицах. Информационно-аналитический сайт «Альтернатива». 2011 г., 30 мая. — URL: <http://alternatio.org/articles/articles/item/99-наша-страна-о-сепаратных-виселицах> (дата обращения: 22.09.2021).

важным фактором, подливавшим масло в огонь местных сепаратизмов. Это придавало им большую значимость и заметность в сравнении с аналогичными по своей сути сибирским или донским сепаратизмами, подобной «подпитки» не имевшими.

Советский инкубатор наций

Революционные потрясения привели к кардинальной смене политико-идеологического фона в России, что непосредственно отразилось и на решении национального вопроса на землях исторической Западной Руси.

Большевики, пришедшие к власти после Октябрьской революции, отличались крайним неприятием общерусской идеи, рассматривая её как форму «великодержавного шовинизма» господствующей нации, осуществляющей колониальное угнетение прочих народов России, включая белорусов и украинцев. В своей позиции по национальному вопросу большевики руководствовались классовой теорией, перенося концепцию классовой борьбы и на национальные отношения. Как и классы, нации подразделялись большевиками на угнетаемые (т. е. объекты колониальной эксплуатации) и угнетающие (империалистические нации, эксплуатирующие колонии в своих эгоистических интересах). В связи с этим национальные движения «угнетаемых» наций оценивались как по определению прогрессивные и ориентированные на социалистическую революцию, поскольку основной задачей таких движений является устранение капиталистической эксплуатации со стороны наций-угнетателей. Соответственно, национализм «угнетающих» наций был в большевистской трактовке ничем иным, как явлением сугубо реакционным, направленным на поддержание и укрепление колониальной эксплуатации. Исходя из этого, задачей социалистической революции является поддержка национальных движений угнетённых народов и борьба с реакционным национализмом империалистических наций. Применительно к бывшей Российской империи данная схема выглядела так: существует единственная угнетающая нация — великорусская, которая притесняет и эксплуатирует все остальные народности. Исходя из этой схемы, основной задачей большевиков становилась борьба с русским «великодержавным шовинизмом» и стимулирование национального развития «угнетённых» народностей. Советский Союз рассматривался ранними большевиками как прообраз будущей мировой

социалистической федерации: свободного объединения национальных республик, связанных общими социально-политическими идеалами и социалистическим (впоследствии — коммунистическим) способом производства. Создание социалистического государства, в котором «угнетённые» народности получили свободу национального развития, по мысли большевиков, должно было стимулировать развитие освободительного движения угнетённых народов во всём мире и, таким образом, приблизить мировую социалистическую революцию.

Данная национальная доктрина закономерно обуславливала поддержку большевиками белорусского и украинского национальных движений, а также борьбу с общерусской концепцией как проявлением российского «великодержавного шовинизма», направленного на национальное угнетение и ассимиляцию белорусов и украинцев. В республиках развивается политика «коренизации», состоявшая в форсированной литературной обработке и кодификации белорусского и украинского языков, а также во внедрении этих языков во все сферы жизни вместо русского. Несогласные с подобной политикой шельмуются как «великодержавные шовинисты». Сторонники общерусской идеи, расцениваемые как «контрреволюционный элемент», либо выдавливались в эмиграцию, либо физически уничтожались, либо сами добровольно уходили с публичного поля в целях личной безопасности. Таким образом, общерусская доктрина практически вытесняется из публичного пространства и массового сознания. Общерусская идея получает своё дальнейшее развитие в белой эмиграции, где выходит немало работ, критикующих с общерусских позиций национальную политику большевиков, а также белорусский и украинский национализм. Однако внутри СССР эта концепция становится табуированной и предосудительной, более того, высказывать общерусские взгляды становится опасным для жизни. Вся культурно-просветительская и информационная сфера Белоруссии и Украины оказывается под контролем националистических деятелей; широкомасштабная индоктринация населения в национальном духе осуществляется посредством официальной пропаганды и системы школьного образования. Таким образом, мировоззрение большевиков и основанная на этом мировоззрении национальная политика советской власти открыли невиданные ранее возможности для реализации белорусского и украинского проектов, устранив из политико-идеологического пространства основного их конкурента — общерусскую идею.

В то же время «победа» национальных активистов оказалось пирровой. Авторитаризм и склонность к насилию большевистской власти, сыгравшие им поначалу на руку, в 1930-е годы обернулась против них самих.

В 1930-е годы происходит переход от доктрины «экспорта революции» к доктрине «построения социализма в одной стране». Собственно, вся предыдущая политика в национальной сфере и была ориентирована на «экспорт революции»: обуздывая «великодержавный шовинизм» господствующей нации и поощряя развитие «угнетённых» народностей, СССР должен был служить путеводной звездой для всемирного освободительного движения порабождённых народов. В 1930-е годы СССР перестаёт рассматриваться как модель Мировой федерации — идея «построения социализма в одной стране» требовала максимальной консолидации и централизации советской государственности, а также выработки особого советского патриотизма, превалирующего над национальными и региональными идентичностями. Чувство исторического оптимизма, связанное с ожиданиями скорой мировой революции, сменяется мрачным ощущением осаждённой, угрожаемой со всех сторон крепости. В этих условиях проведение дальнейшей «коренизации», стимулирующей развитие локальных национальных идентичностей в ущерб общегосударственной, начинает расцениваться как противоречащее и угрожающее общесоюзным интересам. Как следствие, партийные и национально-культурные элиты, связанные с осуществлением «коренизации», в духе времени подвергаются чисткам и репрессиям.

Трагическому финалу национальных элит способствовало и изначальное несовпадение интересов центрального руководства компартии и национальных деятелей на местах. Если для центрального руководства национальный вопрос имел во многом второстепенное значение и рассматривался как одно из средств решения глобальной задачи построения социализма/коммунизма, то для национальных активистов на местах, напротив, национальный вопрос выходил на первое место, а создаваемые большевиками государственно-политические структуры использовались как инструмент «национального строительства». В 1920-е годы в руководство Белоруссии и особенно Украины нередко попадают люди, входившие до революции в социалистические партии неменьшевистской направленности. Кроме того, весомую роль играют и многие национальные активисты, ранее в принципе не замеченные в активной поддержке социалистических идей, но пошедшие на компромисс с советской

властью. Так, культурным строительством в БССР в 1920-е годы руководили многие деятели Белорусской народной республики — антибольшевистского квазигосударства, провозглашённого в 1918 году в условиях немецкой оккупации. Всё это создавало серьёзный конфликтный потенциал между центром и национальными партийными организациями, однако в условиях относительной внутрипартийной демократии 1920-х годов он более или менее успешно гасился. В 1930-е годы, с возобладанием централизаторских тенденций, подобное положение признаётся нетерпимым, что приводит к масштабной «чистке» республиканских партийных аппаратов и интеллигенции от «националистических элементов». Целью этой «чистки» становится выдвижение на местах новых элит, безусловно лояльных центру и ориентированных на выполнение задач, поставленных перед ними центральным руководством.

СССР как оплот и крепость мирового социализма в бессрочной осаде вражеских сил требовал принципиально иной легитимации, нежели СССР как, по сути, временное образование, прообраз мировой социалистической федерации, которая должна возникнуть после мировой революции, ожидаемой со дня на день. СССР превращался в долгосрочную геополитическую реальность, которая должна была обрести самооценку в глазах собственных граждан. Иными словами, возникает запрос на советский патриотизм. Вполне закономерно, что советское руководство не стало изобретать подобный патриотизм с чистого листа, а обратилось к смыслам и символам Российской империи (разумеется, адаптируя их под коммунистическую идеологию), на геополитической базе которой и возник СССР.

Постепенная реабилитация многих символов, традиций и обычаев дореволюционной России, а также знаковых персонажей российской истории (Суворов, Кутузов, Пётр I) начинается в 1930-е годы и достигает своего пика в ходе Великой отечественной войны. Само её название напрямую указывает на преемственность советской освободительной эпопеи событиям 1812 года, знаменовавшим собой воинский триумф императорской России. В послевоенную эпоху державническая идеология, основанная на памяти о войне, фактически заменяет собой утопическую коммунистическую идею, вера в которую слабеет год от года.

Все эти идеологические изменения отразились и на национальной политике в отношении восточных славян, в совокупности составлявших около 80 % жителей СССР. С определёнными оговорками можно говорить о том, что в послевоенном СССР произошёл частичный возврат

к общерусской доктрине, рассматривавшей восточнославянское население как основной оплот государства. Формируется доктрина «трёх братских народов», связанных общими этнокультурными корнями и внёсшими ключевой вклад в советское государственное строительство. Свою лепту в концепцию «восточнославянского братства» внесла и мифология Великой отечественной войны: основной кадровый резерв Советской Армии составляли именно восточные славяне, основной театр военных действий и «культовые» места боевой славы были также связаны, прежде всего, с тремя восточнославянскими республиками.

Сворачивание политики «коренизации» значительно ослабило искусственную поддержку националистических проектов на Украине и особенно в Белоруссии, где националистические тенденции изначально были более слабыми. Благодаря этому поборники национализма во многом утратили возможность сопротивляться естественной «гравитации» русскоязычной культуры. Интенсивная индустриализация и урбанизация, формирование единого народно-хозяйственного комплекса СССР, в рамках которого основным средством коммуникации был русский язык — всё это способствовало массовому овладению белорусами и украинцами русским литературным языком. Учитывая прозрачность и размытость языковых границ, обусловленные близостью восточнославянских наречий, переход с сельского разговорного белорусского или украинского языка на русский литературный проходил безболезненно и незаметно.

Белорусский и украинский языки, само существование которых поддерживалось замкнутостью и изолированностью сельского образа жизни, стремительно утрачивали почву в условиях урбанистической цивилизации, жившей в ритме большого культурного пространства. Эту печальную для себя ситуацию вынуждены были признавать и поборники «национальной идеи». Вот что, в частности, писал «корифей» белорусской литературы Василь Быков о судьбе белорусского языка: «Будучи рождённым на сельских, лесных просторах, многие столетия выражавший душу и дух белорусского крестьянства, этот язык плохо адаптируется к новым, далеко не крестьянским условиям. Великолепно приспособленный к сельской природе, крестьянскому быту, он оказался чужим среди каменных громад города, в бензиновом чаду урбанизированного общества» (цит. по: Коряков 2002: 70).

Таким образом, в СССР происходила фактическая национальная интеграция восточных славян по общерусской модели. Однако процесс

этот шёл во многом спонтанно, «самотёком», не будучи концептуально осмысленным, осознанным и признанным, что не позволило ему обрести логически завершённой формы. Несмотря на отказ от «коренизации» (т. е. поддержки национализма в союзных республиках) в её радикальных формах, советская власть так никогда окончательно и не отошла от «ленинской национальной политики», неотъемлемой частью которой и была эта самая «коренизация». В отношении Белоруссии и Украины советская национальная политика пыталась сочетать две, по сути, несочетаемые вещи: с одной стороны, способствовать этнополитической консолидации восточных славян и, с другой стороны, оберегать «национальную самобытность» белорусов и украинцев, понимаемую во вполне националистическом духе. По сути, это была попытка «скрестить» общерусскую идею с белорусским и украинским национализмом. Так, идея «трёх братских народов» несла в себе националистическое представление о русских, белорусах и украинцах как о трёх отдельных народах. Понятие «русский», исконно бывшее общим, собирательным для всех восточных славян, сужается до обозначения только одной из этнических групп, в дореволюционной традиции известной как «великороссы». Называть белорусов и украинцев русскими отныне считается предосудительным и оскорбляющим их национальные чувства. Каждому из трёх народов предписывалось иметь самостоятельную национальную культуру на основе «своего» языка. В то же время все три народа объявлялись «братскими», т. е. стремящимися к политическому единству в рамках общего государства. «Братство» обосновывалось во вполне общерусском духе апелляцией к Киевской Руси как общей исторической колыбели. Результатом этой политики была продолжавшаяся на протяжении всего советского периода поддержка деятелей националистической ориентации, которые воспринимались как носители «братских» культурных традиций и в силу этого получали полное доминирование в сфере культуры. Между тем, под маской творческих союзов «братских» писателей, театральных деятелей, художников и т. п. продолжала развиваться всё та же националистическая, антирусская по своей природе, традиция.

Таким образом, возникал разрыв между объективно протекавшей интеграцией восточных славян на общерусской национальной основе и декларируемой государством национальной обособленностью, пусть и «братских», белорусского, русского и украинского народов. В результате происходила изоляция, геттоизация националистической гуманитарной

интеллигенции, которая фактически оккупировала культурно-просветительскую инфраструктуру Белоруссии и Украины, однако совершенно не была востребована основной массой населения, ориентированной на пространство русскоязычной культуры. Это способствовало усугублению фобий и комплексов, агрессии и ксенофобии в среде националистов: они винили Россию в ассимиляции и русификации белорусов и украинцев и одновременно видели себя в качестве таких национальных «мессий», призванных возродить якобы погибающие нации.

В то же время самосознание русскоязычного большинства оставалось размытым и неопределённым, поскольку открытое манифестирование русскости в Белоруссии и на Украине оставалось фактически под запретом.

После СССР

С распадом СССР националистические проекты в Белоруссии и на Украине получили новый исторический шанс, однако их судьба в обеих республиках складывалась неодинаково.

На Украине с самого момента обретения независимости был взят жёсткий курс на строительство языковой этнонации и агрессивное навязывание украинской идентичности русскоязычному населению. Последнее, в силу отсутствия внутренней организации и размытости собственного самосознания, весьма вяло сопротивлялось этому процессу, хотя события 2014 года выявили глубинный конфликтный потенциал, порождаемый национально-языковым расколом между разными регионами страны.

В Белоруссии, где местный этнический национализм был изначально слабее украинского, и, несмотря на десятилетия советской белорусизации, так практически и не вышел за пределы узкого слоя гуманитарной интеллигенции, сложилась иная ситуация.

Агрессивная политика националистического реванша продлилась в Белоруссии недолго, с 1991 по 1995 год, после чего сменилась более умеренным курсом в несоветском духе, когда русский язык получил статус государственного наравне с белорусским. Была возвращена слегка отретушированная символика времён БССР, а также взят курс на интеграцию и построение Союзного государства с Россией. Естественно, в основе идеи союза с Россией лежали не только соображения экономического прагматизма, но и представления о белорусах и русских как о «братских народах» в духе позднесоветской идеологии.

Вместе с тем, белорусские элиты, заинтересованные в существовании собственного независимого государства и недопущении «поглощения» Белоруссии Россией, шли по пути постепенного дистанцирования белорусской идентичности от русской. Так, несмотря на повсеместное бытовое русскоязычие и формально равный статус белорусского и русского языков, символический приоритет в качестве «родного» всегда имел именно белорусский.

Аналогичным образом, историческое самосознание белорусского общества всё больше привязывается к эпохам Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, а также связанным с ними культурному наследию и историческим персоналиям. При этом «русский» пласт истории и культуры, связанный с Древней Русью или Российской империей, а также борьбой православного населения ВКЛ за свою русскую идентичность, практически полностью выпадает из массового сознания.

В контексте набирающего обороты политического соперничества России и ЕС за влияние на западных окраинах бывшего СССР, укоренение подобной идентичности ведёт к постепенному дистанцированию белорусского общества от России и противопоставлению белорусов русским как носителей якобы более «европейской» культуры и цивилизации.

Языковая политика Республики Беларусь, несмотря на формальное двуязычие, по-прежнему основана на советской этноязыковой схеме, противоречащей реальности говорящего по-русски городского общества. «Национальное» ассоциируется исключительно с белорусским языком, создавая у русских и русскоязычных своего рода комплекс вины за использование якобы «чужого» языка и забвение «национальных корней». В перспективе это чревато серьёзным политическим обострением национально-языкового вопроса.

Об авторе

Шимов Всеволод Владимирович — доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета, кандидат политических наук; 220006, г. Минск, ул. Ленинградская, 8, кв. 211, e-mail: vs.shimoff@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Карский, Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / Е. Ф. Карский. — Минск : Беларуская энцыклапедыя, 2007. — Т.3. Очерки словесности белорусского племени. Кн. 2. — 701 с.

Коряков, Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю. Б. Коряков. — Москва, 2002. — 129 с.

Неменский, О. Б. Национализм городской и сельский / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. — 2010. — № 1. — С. 49–56.

All-Russian idea versus Byelarussian nationalism: variants of Byelarussians' national self-determination

V. V. Shimov

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY
MINSK, BYELORUSSIA

Abstract: This article examines the competition of alternative projects of national self-determination of Byelarussians: the all-Russian idea and Byelarussian ethnic nationalism. The situation between Byelarus, Ukraine and Russia is an example of the struggle of integration and separatist tendencies. The integrationist tendency is embodied by the idea of a big Russian nation, which includes all ethnic groups of the Eastern Slavs, and a “big” Russian language as an aggregate of all East Slavic dialects united by a common literary form. The separatist beginning is embodied by the Byelarussian and Ukrainian national projects, advocating for the formation of the Byelarussian and Ukrainian nations with separate languages. The author notes that the disintegrative tendencies were primarily associated with the entry of Western Russia into the zone of Polish-Catholic geopolitical and cultural influence.

Revolutionary upheavals were also directly reflected in the solution of the national question in the lands of historical Western Russia. At first, the Bolsheviks encouraged the Byelarussian and Ukrainian national movements, as well as the struggle against the all-Russian concept as a manifestation of Russian “great-power chauvinism”. A policy of “korenization” unfolds, and those who disagree with it are denigrated as “great-power chauvinists.”

Later, however, there is a transition from the doctrine of “exporting the revolution” to the doctrine of “building socialism in one country”. Soviet patriotism prevailing over national and regional identities was required. The Soviet leadership turned to the meanings and symbols of the Russian Empire (adapting them to the communist ideology), on the geopolitical basis of which the USSR emerged.

After the war, the USSR was experiencing de facto national integration of the Eastern Slavs on the all-Russian model. However, this process was largely spontaneous without being conceptualized or recognized. Despite the renunciation of “korenization” in its radical forms, the Soviet authorities have not definitively departed from the “Leninist national policy”. There was a gap between the integration of the Eastern Slavs, which was going on objectively on the all-Russian basis, and the national separateness, even though “brotherly”, declared by the state. The result was a ghettoization of the nationalist humanities intelligentsia, which occupied the cultural and educational infrastructure of Byelarus and Ukraine, but was not in demand by the mainstream population, which was focused on the space of Russian-speaking culture.

In the post-Soviet period, the Ukrainian and Byelarusian national projects have received a second chance. The author draws parallels with the situation in Ukraine. The inconsistency and incompleteness of the processes of national self-determination of Byelarusian society, fraught with conflicts in the future, are noted.

Keywords: nation, nationalism, imaginary communities, language, identity, Byelarus, general Russian idea

For citation: Shimov V.V. All-Russian idea versus Byelarusian nationalism: variants of Byelarusians’ national self-determination. *Orthodoxia*. 2021. №2. С. 179–204. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-179-204

About the author

Vsevolod Vladimirovich Shimov — Associate Professor of the Department of Political Science of the Belarusian State University, Candidate of Political Sciences. 211, 8 Leningradskaya str., Minsk, 220006, e-mail: vs.shimoff@gmail.com

REFERENCES

Karskiy, E. F. (2007). *Belorusy* [The Belarusians] (Vol. 3, book 2). Minsk: Belaruskaya entsyklopedyya. [In Russian].

Koryakov, Yu. B. (2002). *Yazykovaya situatsiya v Belorussii I tipologiya yazykovykh situatsiy* [Language situation in Belarus and typology of language situations] [Doctoral dissertation]. [In Russian].

Nemenskiy, O. B. (2010). *Natsionalizm gorodskoy I sel'skiy* [Urban and Rural Nationalism]. *Voprosy natsionalizma* [Issues of nationalism], (1), 49–56. [In Russian].